На правах рукописи

Шеда-Зорина Ирина Михайловна

Удмуртская диаспора в субъектах федерации различного типа

(на примере удмуртов Пермской и Кировской областей, Республик Башкортостан, Татарстан и Марий Эл)

Специальность 07.00.07 – этнография, этнология, антропология

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Ижевск - 2007

Работа выполнена в Государственном учреждении Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор **Никитина Галина Аркадьевна**

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор **Чагин Георгий Николаевич**

доктор филологических наук **Атаманов Михаил Гаврилович**

Ведущее учреждение: **ГГНУ при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева»**

Защита состоится «____» ноября 2007 года в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.275.01 при ГОУВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская 1, корпус 2, ауд. ____.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская 1, корпус 2.

Автореферат разослан «____» _____ 2007г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент **Г. Н. Журавлева**

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Происходящие на рубеже XX–XXI вв. радикальные экономические, политические, демографические, экологические, социокультурные изменения, во всем мире сопровождаются массовыми перемещениями населения, которые становятся глобальными по своим масштабам. Перекройка современной политической карты мира в связи с распадом одних и образованием других государств, вынужденные или добровольные миграции людей с традиционных мест расселения приводят к новым этнотерриториальным размежеваниям. Усиление этнической напряженности в обществе и увеличение очагов этнических конфликтов свидетельствует об усложнении проблем в сфере межнациональных отношений и необходимости поиска путей их решения. В данном контексте особую значимость приобретает явление диаспоры, все больше привлекающее исследовательский интерес ученых.

Для постсоветской России тема диаспор относится к одной из самых злободневных. После распада СССР, вследствие создания независимых национальных государств, за одну беловежскую ночь более 25 млн. русскоязычных людей оказались за рубежами России на положении диаспоры. В это же время из стран бывшего Союза в Россию устремились массовые миграционные потоки нерусского населения, вызвавшие значительные перемены в ее этнодемографической, социально-экономической и этнокультурной жизни. Сложившаяся ситуация придала явлению диаспоры, до этого традиционно воспринимавшейся как культурологический феномен, новую значимость и новое звучание. Особую остроту получили правовые и социальные аспекты этой темы, устойчиво занявшие место в межгосударственных и межрегиональных отношениях.

Целое проблемное поле открылось и для ученых. Стало очевидно, что решение достаточно сложных и болезненных как для мигрантов, так и принимающего общества вопросов адаптации и укоренения переселенцев в новой социокультурной среде во многом зависит от объективной оценки и определения характера происходящих социальных явлений, что, в свою очередь, подразумевает их постоянный анализ и мониторинг.

Для удмуртского этноса диаспорный вопрос является актуальным – почти третья часть народа проживает за пределами Удмуртии, в том числе в сопредельных с УР субъектах РФ. К сожалению, особенности национально-культурного развития расселенных вне титульной республики групп удмуртского населения в советское время на официальном уровне почти никогда специально не учитывались. Между тем, диаспора всегда нуждалась во внимании к своим специфическим интересам в сфере культуры, печати, школьного образования, кадровой политики, форм представительства в органах управления на местах. В условиях мобилизации этничности в постсоветской России, активного нациестроительства в республиках, интенсификации миграционного движения населения на повестку дня встали новые вопросы, связанные, например, с участием во власти, знанием языка титульного народа

как условия доступа к некоторым видам профессиональной деятельности, что самым непосредственным образом отразилось на диаспоре, самочувствии ее представителей. Таким образом, комплекс проблем, имеющих отношение к этнотерриториальным группам удмуртов, также усложнился, приобрел политико-государственную значимость.

Для правильного определения приоритетов при проведении государственной политики по отношению к диаспоре, выработки реалистичных и обоснованных решений в этой сфере важно иметь как можно более полную и конкретную информацию об удмуртском населении регионов Российской Федерации. Необходимо ликвидировать дефицит знаний о процессах, происходящих в последние десятилетия в различных областях жизнедеятельности удмуртской диаспоры.

Объектом диссертационного исследования являются удмурты Куединского района Пермской области, Татышлинского и Янаульского – Республики Башкортостан, Балтасинского и Кукморского – Республики Татарстан, Мари-Турекского – Республики Марий Эл, Слободского и Унинского – Кировской области, представляющие одни из наиболее многочисленных диаспорных групп.

Предмет исследования – этнодемографические, социально-экономические, этнокультурные и языковые процессы в этнотерриториальных группах удмуртов.

Хронологические рамки исследования охватывают последнее десятилетие XX – начало XXI в., что обусловлено актуальностью изучения современного состояния удмуртской диаспоры, в недрах которой под влиянием коренных (структурных, системных) общероссийских преобразований произошли существенные перемены.

В необходимых случаях используется историко-ретроспективный анализ, позволяющий углубить знания об истоках и ходе формирования диаспорных групп, расширить представления о природе, причинах появления и сохранения тех или иных специфических (региональных, локальных) явлений, фактов и сопряженных с ними проблем.

В работе охватывается **территория** восьми муниципальных районов пяти ближайших к Удмуртской Республике субъектов Российской Федерации, в которых компактно проживают удмурты. Материалы по другим ареалам расселения удмуртов используются в основном в качестве сравнения и дополнения.

Степень изученности. Теория диаспоры в современных науках об обществе и человеке находится в стадии активной разработки, о чем свидетельствует оживленный обмен мнениями на страницах отечественных и зарубежных научных изданий, особенно широко развернувшийся с конца 80-х гг. XX века. Актуальностью общетеоретического осмысления феномена диаспоры было продиктовано и создание в 1999 г. в Москве журнала «Диаспоры».

В отечественной диаспорологии особое значение имеют труды В. А. Тишкова [2003], А. Ю. Милитарева [2005], Ю. И. Семенова [2000], Ж. Тощенко и Т. Чаптыковой [1996], С. А. Арутюнова [2000], А. Г. Вишневского [2000], В. И. Дятлова [2004], посвященные анализу теоретико-методологических аспектов диаспорного вопроса. Развернутый анализ наиболее известных подходов к пониманию диаспоры и собственное осмысление этого явления предлагается в монографии доктора философии В. Д. Попкова «Феномен этнических диаспор» [2003].

В разработке теоретико-методологических основ исследуемой проблемы активное участие принимают зарубежные авторы, в работах которых излагаются различные подходы к раскрытию сути диаспоры. Труды Р. Коэна [Cohen, 1997], Х. Тололяна [Tololyan, 1996], У. Сафрана [Safran, 1991], А. Ашкенази [Ashkenasi, 1993], Дж. Армстронга [Armstrong, 1976], М. Дабага и К. Платта [Dabag & Platt, 1993], Г. Шеффера [Sheffer, 1993], Р. Брубейкера [2005], С. Лаллукки [Лаллукка, 1997] и др. стали существенным подспорьем при выяснении места и роли этнотерриториальных групп удмуртов в истории формирования и развития удмуртского этноса в целом.

Относительно собственно удмуртской диаспоры необходимо отметить, что в дореволюционной этнографии она в принципе не могла выделяться как предмет самостоятельного изучения. Национально-государственное образование удмуртского народа было создано лишь в 20-е гг. XX в., и поэтому до этого времени история и этнография удмуртов привлекала внимание исследователей лишь как часть истории народов, заселявших Волго-Вятский регион.

К числу первых исследователей, сообщивших научные сведения об удмуртах, относится Ф. И. Страленберг, принимавший участие в сибирской экспедиции 1720–1727 гг.[1] Он описал территорию расселения удмуртов, их антропологические признаки. Заметный вклад в изучение удмуртов внесли участники знаменитых академических экспедиций XVIII в.: И. Г. Георги, Г. Ф. Миллер, Н. П. Рычков, П. С. Паллас, И. И. Лепехин, И. П. Фальк и другие, опубликовавшие в последней трети XVIII – начале XIX в. свои «дневные записки» и «описания». Это живые наблюдения современников, непосредственно общавшихся с представителями местного населения. Они уделяют большое внимание природно-климатическим условиям края, хозяйственным занятиям жителей, их численности, расселению, социальным отношениям, а также описывают любопытные детали быта, культуры, традиций народов.

Основоположником вятской историографии можно по праву назвать А. И. Вештомова, автора известной «Истории Вятчан» [1908], в которой он дал свою гипотезу происхождения удмуртов, проследил картину изменения их этнической территории по мере расширения русской колонизации края, проанализировал данные об их численности.

---

[1] Подробный историографический обзор по удмуртской этнографии см.: Владыкин В. Е. История этнографии удмуртов. Краткий историографический очерк с библиографией / В. Е. Владыкин, Л. С. Христолюбова. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 144 с.

В 1838 г. в «Вятских губернских ведомостях» был издан небольшой очерк А. И. Герцена, отбывавшего в Вятке ссылку. В нем даны основные сведения о расселении удмуртов, их поселениях и жилище, о религии. К числу немногих работ первой половины XIX в. относится публикация А. А. Фукс о поездке к удмуртам Казанской губернии. Автор бегло пишет о верованиях, культе, обрядах, праздниках, языке. Свои исследования в области истории и языка удмуртов во время длительных экспедиций по России провели в 20–40-е гг. XIX в. финские ученые А. Й. Шегрен и М. А. Кастрен.[2] Краткие зарисовки из жизни удмуртов д. Омсинской, расположенной близ г. Слободского, сохранились в путевом дневнике немца И. Ф. Эрдмана, побывавшего в Вятской губернии в 1816 г.

Во второй половине XIX – начале XX в. интерес к изучению удмуртов заметно оживился. Широкую планомерную деятельность по организации исследований всех народов страны, в том числе и удмуртов, развернуло отделение этнографии Русского географического общества, созданного в 1845 г. Центрами изучения народностей Поволжья стали Петербург, Москва, Казань, Вятка. На страницах местной печати здесь были опубликованы статьи и заметки М. Блинова, С. Осокина, В. Шестакова, А. Спицына, посвященные различным сторонам жизни удмуртов. Огромное значение для этнографического изучения народов Поволжья имело образование в 1878 г. Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Корреспондентами Общества была местная интеллигенция – учителя, священники, земские служащие, которые хорошо знали свой край.

Из круга работ этого периода необходимо выделить исследование Д. Островского об удмуртах Казанской губернии [1873]. В своей монографии он рассматривает происхождение и расселение удмуртов, их христианизацию, быт, экономику, обращает внимание на то, что северные удмурты подвержены русскому влиянию, а южные – татарскому. Заслуживают внимания работы Б. Гаврилова. Знание удмуртского языка позволило ему собрать богатый материал по этнографии и фольклору. Интересные наблюдения над бытом, традициями, хозяйством, верованиями удмуртов содержатся в работах В. Кошурникова, В. М. Бехтерева, Н. Н. Харузина, Г. Н. Потанина и др.

В конце XIX в. научный интерес к удмуртам проявляли венгерские ученые. Так, в 1884 г. к удмуртам Мамадышского, Малмыжского, Глазовского и Бирского уездов приезжал лингвист Б. Мункачи, который записал большое количество текстов песен, сказок, заговоров, загадок, пословиц. Богатый фольклорно-этнографический материал Б. Мункачи также собрал среди военнопленных-удмуртов, попавших в венгерские лагеря во время первой мировой войны.

На рубеже XIX–XX вв. начался качественно новый этап исследовательской деятельности финских ученых в области удмуртоведения: в удмуртских селениях побывали этнографы А. О. Хейкель, У Т. Сирелиус, А.

[2] О финских исследователях этнографии удмуртов см.: Загребин А. Е. Финны об удмуртах: Финские исследователи этнографии удмуртов XIX – первой половины XX в.: Монография / А. Е. Загребин. – Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, 199. – 185 с.

Хямяляйнен и У. Хольмберг. Трижды приезжал к удмуртам финский ученый-лингвист Ю. Вихман. За время своей работы финны изучили обширный комплекс традиционной культуры удмуртов: от проблем народного зодчества до религиозных верований и мифологических представлений.

Ценные сведения обо всех сторонах жизни удмуртов содержатся в работах Г. Е. Верещагина, первого этнографа-удмурта. Его труды по широте охвата материала представляют собой своего рода энциклопедию дореволюционной жизни удмуртского народа. Описанию удмуртских божеств, культов и празднеств удмуртов Глазовского уезда посвящены опубликованные в 1888–1890 гг. «Эскизы…» Н. Г. Первухина.

Одним из крупных дореволюционных поволжских этнографов является профессор Казанского университета И. Н. Смирнов. В своей монографии «Вотяки» [1890] он описывает этническую историю, географические и антропологические характеристики удмуртов, их хозяйство, религию. Этнографией удмуртов, историей их обычаев и мифологии много лет занимался педагог Н. Н. Блинов. Описанию обрядов, связанных с рождением и смертью человека, свадебных обрядов, верований удмуртов посвящены труды И. Васильева, С. К. Кузнецова, М. М. Хомякова.

Важное значение для изучения Вятского края и населявших его народов имело учреждение в 1904 г. Вятской ученой архивной комиссии, в работе которой активное участие принимали А.С. Верещагин, А. А. Спицын и П. Н. Луппов. На протяжении долгих лет своего творческого пути в разное время к удмуртскому материалу обращался Д. К. Зеленин.

Первые этнографические сведения о пермских удмуртах находим в «Хозяйственном описании Пермской губернии» Н. С. Попова [1804]. Удмуртов Большегондырской волости Пермской губернии в конце XIX в. посетил по долгу службы врач Н. И. Тезяков, посвятивший им несколько статей. В 1903 г. результаты наблюдений над праздниками и молениями большегондырских удмуртов обнародовал И. В. Яковлев.

В целом необходимо отметить, что внимание дореволюционных исследователей в основном было сосредоточено на религии удмуртов, их дохристианских верованиях, свадебных обрядах, при этом сообщаемые сведения носили преимущественно описательный характер.

В первое десятилетие после Октября 1917 г. научно-исследовательская работа по этнографии удмуртов проводилась через любительские научные и культурно-просветительные общества. В 1923 г. в Москве организовалось общество «Боляк». Результаты исследований членов общества частично опубликованы в сборнике «Вотяки» [1926], в который вошли статьи К. Герда об удмуртских песнях, пословицах, поговорках; статья М. Ильина о похоронных обрядах удмуртов Башкирии, М. Прокопьева – о сельском хозяйстве удмуртов Татарской республики.

Материалы по этнографии удмуртов печатались в «Трудах» Научного общества по изучению Вотского края в Ижевске. Авторы статей Г. Верещагин, М. Ильин, С. Ласточкин, С. Перевощиков, К. Герд писали о происхождении удмуртов, их свадебных обычаях и обрядах.

Из работ 20-х годов следует отметить труды М. Худякова и А. И. Емельянова. Огромную роль в деле изучения историко-этнографического изучения удмуртов сыграл П. Н. Луппов, исследовавший историю удмуртов XVII в., колонизацию бассейна р. Чепцы, процессы христианизации удмуртов.

Летом 1925 г. у карлыганских удмуртов работала этнографическая экспедиция Центрального музея народоведения под руководством известного фольклориста Б. М. Соколова. Экспедицией был собран материал, в том числе по духовной и материальной культуре удмуртов.

В 1930 г. в Удмуртии начала работать комплексная экспедиция Института народов Советского Востока. Ее этнографический отряд возглавляли М. О. Косвен и А. И. Пинт. Их материалы частично опубликованы в сборнике «На удмуртские темы».

В 1931 г. появилась статья известного исследователя народов Поволжья М. Т. Маркелова, в которой наряду с изменениями, происшедшими в жизни удмуртов после 1917 г., отмечались сохранившиеся еще к тому времени пережиточные явления прошлого.

После ряда экспедиций, предпринятых в 30-е годы к удмуртам центральными учреждениями, этнографическая работа в Удмуртии пошла на убыль, хотя отдельные публикации все же появлялись. В 1940 г. вышла статья Н. П. Гринковой о домашних промыслах удмуртов. Изучению удмуртского костюмного комплекса посвящен ряд работ В. Н. Белицер – советского этнографа, специалиста по народам Поволжья.

Новый этап в этнографическом изучении удмуртского народа начался в 60-е годы. К этому времени выросло новое поколение удмуртских ученых, прошедших научную подготовку в Москве, Ленинграде, Казани.

С 1970 г. регулярные этнографические экспедиции организует Научно-исследовательский институт при Совете Министров УАССР (ныне Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, далее – УИИЯЛ УрО РАН), с 1972 г. – Удмуртский государственный университет (далее – УдГУ). Они проводят объединенные полевые исследования, иногда – совместно с Удмуртским республиканским краеведческим музеем (ныне – Национальный музей УР).

В этот же период начинается целенаправленное изучение локальных групп удмуртов Марийской, Татарской, Башкирской АССР, Кировской, Пермской и Свердловской областей. В 1974 г. под руководством В. Е. Владыкина впервые проведена экспедиция к удмуртам Сибири (Красноярский край и Томская область). Круг научных интересов, связанных с изучением диаспоры, значительно расширяется, появляются монографические труды по отдельным аспектам функционирования диаспорных групп удмуртов.

Вопросам истории и диалектологии удмуртов Татарстана были посвящены труды В. К. Кельмакова и И. В. Тараканова. Диалектные особенности языка удмуртов Закамья изучал Р. Ш. Насибуллин, фольклора – Е. К. Егоров.

Венгерские музыковеды Л. Викар и Г. Берецки предприняли исследование музыкальной культуры удмуртов Татарии, Башкирии и

Марийской АССР. Результаты их полевых наблюдений нашли отражение в опубликованной в Венгрии антологии удмуртской песни [1969].

Описанию костюмного комплекса кировских удмуртов были посвящены работы Т. А. Крюковой [1973], К. Климова [1980], С. Х. Лебедевой и М. Г. Атаманова [1980]. В 1973 г. издан альбом С. Н. Виноградова «Удмуртская одежда», в которой показана традиционная одежда удмуртов разных регионов.

Среди исследователей, внесших весомый вклад в изучение истории и современного состояния удмуртской диаспоры, достойное место занимает профессор В. Е. Владыкин. Он впервые организовал научные экспедиции практически ко всем группам удмуртов и обобщил итоги научных поисков в своих трудах [1993; 1994, 2003, 2005 и др.] . Получить целостное представление о процессах формирования удмуртских диаспорных групп, а также истории становления удмуртского национального образования помогают работы доктора исторических наук М. В. Гришкиной, построенные на основе анализа обширного архивного материала [1994; 1995; 2003 и др.]. Ценные сведения о древней истории удмуртского этноса можно почерпнуть из трудов археологов Р. Д. Голдиной [1987 и др.], М. Г. Ивановой [1994; 1995 и др.]. Вопросам образования государственности удмуртов, развития этноса в советские годы посвящены исследования профессора К. И. Куликова [1990; 2000 и др.], Н. П. Павлова [2000], Г. К. Шкляева [1998 и др.]. Фольклорное наследие удмуртской диаспоры нашло отражение в трудах известного ученого Т. Г. Владыкиной.

Исследованием истории Вятской Земли и взаимодействия русского и удмуртского народов на Вятке в эпоху средневековья занимается Л. Д. Макаров. Отдельные элементы традиционной духовной культуры удмуртов Башкирии изучаются И. М. Нуриевой, Т. Г. Миннияхметовой. В 1994 г. в Уфе была опубликована небольшая брошюра Л. С. Христолюбовой и Т. Г. Миннияхметовой «Удмурты Башкортостана (история, культура, современность)». В 2000 г. в г. Ижевске вышла в свет монография Т. Г. Миннияхметовой «Календарные обряды закамских удмуртов», в которой автор обобщил результаты многолетних исследований и межлокального сравнительного анализа народного календаря и традиционной обрядности удмуртов, проживающих в северо-западных районах Республики Башкортостан и Куединском районе Пермской области. Исследованию традиционной организации жизненного пространства (поселений и жилища) и его духовному осмыслению посвящена опубликованная в Уфе в 2001 г. монография Р. Р. Садикова. Примечательно, что удмуртские ученые Т. Г. Миннияхметова и Р. Р. Садиков являются уроженцами Башкортостана. С недавних пор к изучению проблем, связанных с историей, этнографией и фольклорным наследием удмуртов Пермской области, подключились ученые Пермского государственного университета (ПГУ) и Областного краеведческого музея. Так, в 1995 г. в Перми в серии «Народы Прикамья» были опубликованы этнографические очерки А. В. Черных «Буйские удмурты». Особенностям современного этнокультурного развития куединских удмуртов посвящены работы доктора исторических наук, профессора Пермского университета Г. Н.

Чагина. Изучением музыкльно-песенного фольклора завятских удмуртов, в том числе проживающих на территории Марий Эл, занимается И. М. Нуриева.

В контексте рассматриваемой темы особо значимую роль играет монография М. Г. Атаманова «От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов», в которой автор впервые в удмуртской историографии дает историко-лингвистическое описание всех регионов и отдельных районов, где шло формирование удмуртского народа – от самой северной точки удмуртской Ойкумены (д. Дондыкар Глазовского района Удмуртской Республики) до крайне южного населенного пункта, где компактно проживают удмурты (д. Урсыгурт Бавлинского района Татарстана) [2005]. Любопытный материал для размышлений над обширным кругом вопросов этногенеза и этнической истории удмуртов содержит также монография И. А. Косаревой «Традиционная женская одежда периферийных групп удмуртов» [2000].

Актуальность комплексного изучения современного состояния удмуртской диаспоры впервые обоснована доктором исторических наук Г. А. Никитиной [2002]. Некоторые аспекты жизнедеятельности этнотерриториальных групп удмуртов на рубеже XX–XXI вв. нашли отражение в статьях Г. К. Шкляева, К. И. Куликова, И. Л. Поздеева, опубликованных в сборниках материалов научно-практических конференций и других изданиях (например, в информационно-методических сборниках Министерства национальной политики УР).

Важным явлением в историографии удмуртской диаспоры несомненно станет подготовленный к изданию в рамках крупномасштабного проекта «Феномен Удмуртии» восьмой том под названием «Удмуртская диаспора», посвященный удмуртам, расселенным вне титульной республики. Авторским коллективом известных этнологов, историков, лингвистов (М. Н. Губогло, В. Е. Владыкин, К. И. Куликов, Г. А. Никитина, Л. С. Христолюбова, И. В. Тараканов, М. Г. Атаманов и др.) впервые делается попытка представить панорамное изображение удмуртской диаспоры и ее связей с основным ядром удмуртского народа.

Основную **цель** своего диссертационного **исследования** автор видит в возможно полном и объективном анализе современного состояния удмуртской диаспоры в субъектах федерации различного типа.

В соответствии с поставленной целью определяются следующие **задачи**:

– рассмотреть теоретико-методологический аспект проблемы диаспоры;

– определить этнодемографические параметры диаспорных групп удмуртов с учетом истории их формирования;

– выявить особенности современного состояния отдельных диаспорных групп.

Источниковая база. Основной источниковой базой исследования стали **полевые материалы автора** и его коллег – членов экспедиционного отряда (К. И. Куликов, Г. А. Никитина, Г. К. Шкляев, И. Л. Поздеев), участвовавших в реализации исследовательского проекта УИИЯЛ УрО РАН «Удмуртская диаспора в субъектах федерации различного типа». В ходе экспедиций путем

прямого интервьюирования и собеседования, анкетного опроса, извлечения необходимых статистических и иных данных из оперативных материалов районных и сельских администраций, производственных предприятий, учреждений культуры (сельских клубов, библиотек, краеведческих музеев), образования (детских садов, школ), медицинского и социального обслуживания населения (больниц, фельдшерско-акушерских пунктов, аптек, домов престарелых, детских домов) была собрана обширная информация об этнодемографическом потенциале этнотерриториальных групп удмуртов, их количественных и качественных параметрах, особенностях этнокультурных и этноязыковых процессов, протекающих в различных диаспорных сообществах, деятельности общественных и производственных объединений, нюансах эмоционально-психологического самочувствия и уровнях идентичности удмуртов, локализованных в субъектах федерации областного и республиканского типов.

Методом «экспертных оценок», использованным при беседах с руководителями, специалистами, общественными деятелями были получены данные оценочного характера, позволяющие судить о самоощущении диаспоры, восприятии процессов, протекающих в титульной республике и субъектах проживания, об ожиданиях и надеждах, связанных с прогнозами на среднесрочную перспективу относительно судеб диаспорных групп[3].

Ценная информация о жизни удмуртской диаспоры содержится в материалах СМИ, прежде всего – в издаваемых в Удмуртии удмуртскоязычных газетах и журналах «Удмурт дунне», «Зечбур!», «Герд», «Кизили», «Инвожо», «Вордскем кыл», «Кенеш», «Ашальчи». Из них можно почерпнуть данные о связях ядра удмуртского этноса с диаспорой, межрегиональных, межведомственных контактах Удмуртии с соседними субъеками федерации.

Более подробные сведения о повседневной (хозяйственной, культурной, общественной) деятельности самой диаспоры, ее проблемах и успехах, конкретных фактах и событиях, происходящих во «внутренней» жизни, содержатся в печатных изданиях соседних регионов, например, в республиканской удмуртскоязычной газете «Ошмес» (Республика Башкортостан), или в удмуртскоязычном дубляже районной газеты «Азьлане» (Балтасинский район Республики Татарстан), в районной газете «Куединская правда» (Куединский район Пермской области).

Обширный и разнообразный материал об этнотерриториальных группах удмуртов накоплен в фондах ГТРК «Удмуртия». Гостелерадиокомпанией более шести лет транслировалась передача на удмуртском языке «Тупал удмуртъёс» (в 1997–2003 гг. – по радио, в 2003–2004 гг. – по телевидению), знакомившая население Удмуртии с жизнью удмуртов вне титульной республики (редактор – В. А. Тероков). В контексте данной работы целенаправленное прослушивание и просмотр названных передач были полезными для расширения общего представления о современной жизни диаспоры.

---

[3] Материалы, собранные экспедиционным отрядом, в том числе полевые материалы автора, хранятся в фондах научно-отраслевого архива УИИЯЛ УрО РАН.

Достаточно познавательными в плане получения справочных и статистических данных о местах компактного проживания удмуртов являются рекламные буклеты и юбилейные издания, подготовленные районными муниципальными образованиями субъектов РФ.

Важное значение для актуализации и уточнения имеющихся сведений имела оперативная информация, получаемая автором в ходе практической деятельности в Министерстве национальной политики УР и Межрегиональной общественной организации «Всеудмуртская ассоциация «Удмурт кенеш». Статистические и справочные материалы, нормативно-правовые документы (законы, постановления, распоряжения, региональные целевые программы и др.), предоставляемые министерствами, ведомствами, администрациями, удмуртскими общественными объединениями, как Удмуртии, так и других субъектов РФ, результаты экспертных оценок событий и фактов, связанных с удмуртской диаспорой, представляют существенную часть источниковой базы исследования.

При выявлении этнодемографических параметров удмуртских диаспорных групп активно использовались материалы переписей населения, прежде всего – 1989 и 2002 гг., а также информация, полученная от региональных, районных, поселенческих административных структур. Сравнительный анализ данных этой группы источников позволил выявить динамику этнодемографических процессов в межпереписной период, специфику их протекания в различных диаспорных группах.

С точки зрения исследования вопроса о развитии отношений удмуртской диаспоры с иноэтничным окружением интерес представляет литература, изданная в других субъектах федерации. Проблемам этнокультурного развития башкирского народа, к примеру, посвящена монография «Башкиры», подготовленная сотрудниками отдела этнографии и антропологии Института истории, языка и литературы УНЦ РАН [Башкиры, 2002]. Вопросы духовно-нравственной культуры башкир и их взаимоотношений с соседними народами рассматриваются в книге доктора философских наук Д. Ж. Валеева [Валеев, 1989]. Материалы по этнополитической истории, демографии, антропологии и лингвистике, о быте, хозяйстве и духовной культуре татар представлены в монографии «Татары» [Татары, 2003]. Сведения об основных историко-этнографических параметрах народов Прикамья можно почерпнуть из книги пермских этнографов Г. Н. Чагина и А. В. Черных [Народы Прикамья, 2002]; различным аспектам жизнеобеспечения народов, проживающих в Пермской области, посвящен сборник «Этнические проблемы регионов России. Пермская область» [1998]. Об этногенезе, этнической истории, хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуре марийского народа повествуют историко-этнографические очерки «Марийцы» [Марийцы, 2005] и др.

В качестве вспомогательных источников использованы энциклопедические издания, опубликованные в соседних регионах, например, «Башкортостан: Краткая энциклопедия» [1996], «Татарский энциклопедический словарь» [1998], «Энциклопедия Земли Вятской» [1994], а также энциклопедия «Уд-

муртская Республика» [2004] и др. Интерпретация происходивших в крае событий и фактов с точки зрения ученых разных регионов Урало-Поволжья представляет любопытный материал для размышлений о судьбах удмуртской диаспоры.

Методологические основы и методы исследования. В своей работе автор опирался на теоретико-методологические разработки ученых – представителей различных гуманитарных дисциплин, что обусловлено сложностью и многогранностью исследуемого явления. Помимо трудов зарубежных и отечественных этнологов, антропологов, историков, филологов, философов, упомянутых в историографии, автор опирался также на работы известных отечественных авторов в области политологии (Р. Г. Абдулатипов, В. Зорин), психологии (В. Ю. Хотинец, А. Н. Петров), культурологии (Н. Розенберг), педагогики (Г. Н. Васильева, В. М. Ившина). Основными принципами исследования явились историзм, объективность, системность, целостный подход, единство логического и исторического. Использовался сравнительно-исторический метод, позволяющий выявить общее и особенное в различных диаспорных группах удмуртов, сравнить процесс формирования удмуртской диаспоры с типичными чертами образования мировых диаспор. Данный метод сочетался с наблюдением (в том числе – включенным), интервьюированием, анкетированием, экспертной оценкой. В работе также используются методы интерпретации источников.

Научная новизна исследования. Несмотря на значительный материал, собранный учеными о диаспорных группах удмуртов, актуальность комплексного исследования удмуртской диаспоры остается достаточно острой. Можно констатировать, что относительно изученными сферами жизни удмуртов, живущих за пределами Удмуртской Республики, являются религиозные верования и обряды, традиционная женская одежда, фольклор, отчасти диалектные особенности языка. В то же время современное состояние удмуртской диаспоры, проблемы ее этносоциального и этнокультурного развития, эмоционально-психологического самочувствия в условиях российских социальных трансформаций еще не становились предметом специального научного интереса.

Таким образом, комплексное историко-этнографическое исследование особенностей развития и современного состояния отдельных этнотерриториальных групп удмуртской диаспоры проводится фактически впервые.

Научная и практическая значимость диссертации заключается в возможности использования материалов для дальнейших исследований в области этнической истории удмуртского народа, региональных и локальных традиций духовной и материальной культуры, особенностей современного развития удмуртских диаспорных групп; для выработки научно выверенной и обоснованной государственной национальной политики УР и других субъектов федерации Волго-Камского региона, разработки программ межправительственных и межведомственных соглашений, расширения и углубления взаимовыгодных и добрососедских отношений через каналы

народной дипломатии, в первую очередь – через национально-культурные объединения.

Фактологический материал и теоретические выводы исследования могут стать основой научно-популярных изданий по отдельным диаспорным группам удмуртов, обобщающих монографий, учебных курсов по региональной истории и этнографии.

Выдвигаемые на защиту положения:

– компактно расселенные в субъектах РФ группы удмуртского населения являются внутренней удмуртской диаспорой;

– одним из главных факторов, повлиявших на формирование диаспорного сознания у оказавшихся в отрыве от «материнского» ядра локальных групп удмуртов, является административно-территориальное размежевание этноса без учета исторически сложившихся границ его расселения;

– существенное сокращение численности удмуртской диаспоры в межпереписной период (1989–2002 гг.) вызвано, прежде всего, ассимиляционными процессами, более интенсивно протекавшими в субъектах федерации областного типа, нежели типа национальных республик;

– снижение темпов ассимиляции, лучшее владение родным языком, достаточно высокий уровень этнической идентификации среди диаспорных групп, расселенных в субъектах федерации республиканского типа, обеспечивается благодаря созданию здесь более благоприятных условий для этнокультурного развития удмуртов. Существенное влияние на сохранение этничности удмуртской диаспоры оказывает и пример активного нациестроительства титульных народов республик;

– в условиях социальных трансформаций последних лет выживанию диаспорных групп удмуртов, представляющих преимущественно сельское население и занятых в основном в аграрной сфере труда, способствует их приверженность традиционализму и выработанное веками трудолюбие;

– удмуртским диаспорным группам субъектов РФ свойственно ощущение эмоционально-психологического дискомфорта как следствия проживания на территории институционально закрепленного этнически «не своего» субъекта федерации, а также осознания «промежуточности» своего статуса;

– при современной, исторически сложившейся, форме федеративного устройства России наиболее полное удовлетворение этнокультурных запросов и потребностей удмуртского народа как этноса обеспечивается, прежде всего, в Удмуртии, а потому и позитивное этнокультурное развитие удмуртской диаспоры во многом зависит от политических шагов, осуществляемых титульной республикой. Но подобный сценарий может быть успешным только при условии всестороннего и конструктивного сотрудничества УР с руководством регионов с компактным проживанием удмуртов, взвешенной и реалистичной политики в области межнациональных отношений со стороны федерального Центра и активности самой диаспоры.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в 8 публикациях общим объемом более 2,5 п. л. и апробированы на республиканских, межрегиональных

и международных конференциях и симпозиумах: «Состояние и перспективы развития сельскохозяйственных производственных кооперативов в России» (г. Ижевск, 2002), «Формирование и развитие удмуртской этничности в условиях полиэтничного региона: история и современность» (с. Большой Гондыр, Пермская область, 2002), «Государственная национальная политика в XX–XXI вв.: региональный аспект» (г. Пермь, 2003), «Россия в поисках национальной стратегии развития» (г. Екатеринбург, 2003), «Диаспоры Урало-Поволжья» (г. Ижевск, 2004), «Проблемы и перспективы функционирования родных языков» (г. Ижевск, 2005), «Экология, демография и здоровье финно-угорских народов» (г. Ижевск, 2006), «Этнография восточно-финских народов: история и современность» (г. Ижевск, 2006), «Сохранение национальных традиций: из прошлого в настоящее» (с. Светозарево, Кировская область, 2007), «Роль общественных организаций в становлении гражданского общества в России» (г. Ижевск, 2007).

Диссертационная работа обсуждена и рекомендована к защите на заседании отдела исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Уро РАН.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность, научная новизна и практическая значимость работы, определяется объект, предмет и теоретико-методологическая база исследования, очерчиваются территориальные и хронологические рамки, формулируется цель, основные задачи и выдвигаемые на защиту положения, характеризуются источники и степень изученности проблемы.

Глава 1. Теоретико-методологические аспекты «диаспорной проблемы»

§ 1.1. Концептуальные подходы

В первом параграфе рассматриваются концептуальные подходы к исследованию феномена диаспоры.

Термин «диаспора» в своем первоначальном виде обозначал изгнание евреев с исторической родины и их разбросанность по многим странам, а также вытекающие отсюда угнетенность и упадок духа. В дальнейшем диаспорой стали называть многие другие этнические группы, живущие в инокультурном окружении, и слово потеряло свой трагический оттенок. Глобальные перемены, происходящие в современном обществе, наполнили понятие новым содержанием, значительно расширив область описываемых явлений. Сегодня под словом «диаспора» специалисты пытаются объединить все возможные процессы размежевания, его используют по отношению к любым группам мигрантов, по тем или иным причинам оказавшимся вне страны происхождения: этническим меньшинствам, беженцам, трудовым мигрантам и т. д.

В связи с тем, что общепринятого определения понятия «диаспора» до сих пор не существует, учеными предлагаются наборы характерных черт,

типичных, по их мнению, для **классической (**или иначе **– исторической)** диаспоры.[4] В соответствии с концепциями, выдвинутыми как отечественными, так и зарубежными современными исследователями, суть классической диаспоры в основном может быть сведена к следующим чертам: рассеяние по отношению к изначальной родине; коллективная память и мифологизация утраченной родины; наличие диаспорного сознания; отчужденность от других групп населения; поддержание контактов со страной исхода; корпоративность и др. Однако в целом попытки выработать четкие критерии, позволяющие ясно определить понятия «диаспора» и «классическая диаспора» на примере еврейского рассеяния пока не увенчались успехом.

В последние годы внимание исследователей все больше привлекают сообщества, возникшие относительно недавно в результате трудовых миграций в промышленно развитые страны. Для их обозначения в специальной литературе появились понятия **«новая»** или **«современная диаспора»**. Одним из первых теоретическую дискуссию на эту тему начал Дж. Армстронг [1976]. В центре внимания концепций новых диаспор находятся проблемы идентичности и формирования **транснациональных (**а также **трансгосударственных) пространств или сообществ.**

При объяснении современных этнических рассеяний ученые, однако, в большинстве случаев опираются на исходные постулаты классических диаспор, но при этом значительно расширяют смысловое содержание понятия.

§ 1.2. Феномен внутренней удмуртской диаспоры: теоретическое обоснование

Во втором параграфе на основе концептуального подхода, предложенного Ю. А. Поляковым, предпринимается попытка обосновать правомерность оперирования термином «диаспора» по отношению к локальным группам удмуртов, компактно проживающим в субъектах РФ, т. е. вне титульной Удмуртской Республики.

Академик Ю. А. Поляков, признавая глобальный характер существования диаспор, предлагает два варианта определения понятия «диаспора». В первом диаспора рассматривается как общность, находящаяся в иноэтничной среде и в некотором смысле близкая к понятию национального меньшинства, во втором под диаспорой имеется в виду население той или иной страны, принадлежащее этнически и культурно к другому государству. По его мнению, можно говорить о существовании диаспор на всем постсоветском пространстве, а также на территории РФ в виде региональных (внутренних) диаспор.

Отнесение к диаспоре нерусских граждан страны, проживающих за пределами своих «титульных» республик, принципиально отрицает директор Института этнологии и антропологии РАН В. А. Тишков, хотя при этом он отмечает, что для осуществления категоризации той или иной культурно отличительной группы населения как диаспоры необходимо проследить ощущение и поведение самой группы.

---

[4] Кроме евреев и армян, исследователями упоминается еще ряд этнических общностей, находящихся в рассеянии и претендующих на статус «классических диаспор», например, цыгане, греки, китайцы, кубинцы, палестинцы, индийцы, ирландцы.

Проведенный в настоящей диссертации анализ этнической истории и современного состояния отдельных этнотерриториальных групп удмуртов показал, что им свойственны все основные, выделяемые исследователями (в том числе В. А. Тишковым) в качестве типичных черты диаспоральности.

Одной из основополагающих черт, характеризующих диаспору, выделяется **миграция.** Удмурты, являющиеся автохтонным населением Волго-Уральского региона, начиная с середины I тысячелетия н. э. и вплоть до начала XVIII в. были вынуждены постоянно мигрировать с традиционных мест расселения в связи с тюркской, марийской и славянской колонизациями края. Народная память связывает рассеяние своих предков с разрушением двух центров – племенного центра северных удмуртов *Ваткакара*, располагавшегося на месте современного г. Кирова, и Арска (удм. – *Арча*, современный поселок городского типа Арск в Татарстане) – столицы одноименного княжества, где с древнейших времен жили южноудмуртские родоплеменные группы.

Другой, наиболее характерной чертой, присущей диаспоре, считается **наличие и поддержание коллективной памяти.** Сохранению коллективной памяти удмуртов о «первичной родине», общих корнях и общей исторической судьбе значительно способствовала воршудно-родовая организация, достаточно долго сохранявшаяся в удмуртском обществе (еще в начале XX в. едва ли не каждый удмурт представлял, к какому *воршуду*, т. е. хранителю рода, он относится). Другим фактором, сыгравшим существенную роль в поддержании коллективной памяти удмуртов, живущих в отрыве от основного этнического ядра, стала приверженность традиционным верованиям, которая у многих групп сохранялась вплоть до 30–40-х гг. XX в.

Отличительными чертами диаспоры, по мнению исследователей, также являются **сохранение своих этнокультурных границ, романтическая вера в родину предков и стремление к контактам и помощи исторической родине.** Данные полевых материалов, собранных в ходе экспедиций 2002–2005 гг., демонстрируют множество примеров, подтверждающих, что удмурты диаспоры чувствуют определенную отчужденность от основного общества субъекта проживания и стремятся не разрывать связей с «исторической родиной». Об этом свидетельствует ориентированность многих из них на получение образования и продолжение профессиональной деятельности в Удмуртии, желание поддерживать интенсивные контакты с удмуртской этнической элитой и институтами гражданского общества УР, быть в курсе дел и событий, происходящих в метрополии, и по мере возможности оказывать ей помощь.

Автор диссертации на примере локальных групп удмуртов пяти субъектов РФ показывает, что исторически сложившаяся форма федеративного устройства России так или иначе детерминирует появление внутренних диаспор этнических сообществ страны. На территории РФ только Конституцией УР гарантируется «сохранение и развитие языка и культуры удмуртского народа»[5], а забота о сохранении и развитии удмуртской диаспоры

[5] Конституция УР, 2007: ст. 1, п. 2.

определяется как одна из главных задач органов государственной власти Удмуртии.

Таким образом, удмурты, компактно проживающие в субъектах РФ за пределами УР, являются внутренней удмуртской диаспорой.

Глава 2. Формирование этнотерриториальных групп удмуртов, их этнодемографические параметры

§ 2.1. Основные этапы и пути формирования нижнечепецкой, завятской и закамской групп удмуртов

В данном параграфе процессы этногенеза и формирования этнической территории удмуртского народа рассматриваются с точки зрения возникновения в первой четверти XX в. исторической ситуации, которая во многом предопределила формирование удмуртской диаспоры и диаспорного сознания у тех удмуртов, которые в ходе национально-государственного строительства оказались за пределами своей автономии.

Территория современного расселения удмуртов в основных чертах сложилась к концу XVII – началу XVIII в. Миграции удмуртских родоплеменных групп, представлявших автохтонное население Волго-Камья, на рубеже I–II тыс. н. э. и в XV–XVI вв. были вынужденными и сопровождались межэтническими столкновениями, о чем свидетельствуют народные предания и ряд архивных документов. В ходе переселений удмурты покинули освоенные ими земли по берегам крупных рек (Кама, Белая, Вятка), их воршудные группы смешались, и они сомкнулись в единый этнический массив, сосредоточившись в основном на территории современной Удмуртии.

Присоединение удмуртов в середине XVI в. к царской Руси стало позитивным толчком к началу процессов формирования удмуртской народности и консолидации их в рамках единого государства. В то же время практика проведения административно-территориальных межеваний без учета исторически сложившихся ареалов расселения народов приводила к разрыву традиционных внутриэтнических связей. Реализация такой политики привела к тому, что к концу XIX – началу XX в. крупные удмуртские массивы оказались в границах различных административных образований и как следствие – в иноэтничном окружении (русском, татарском, башкирском, марийском). Административные рубежи отсекли от основного этнического ядра не только периферийные, окраинные группы, они разделили и крупные, компактно расселенные массивы, как это, например, произошло с закамскими удмуртами, и что впоследствии существенно повлияло на их этнокультурное развитие (современные удмурты Куединского района Пермской области и удмурты Республики Башкортостан).

После Октября 1917 г. удмурты Вятской, Казанской, Пермской, Уфимской и некоторых других губерний России активно включились в нешуточную борьбу за свою автономию, что послужило повышению самосознания народа, расширению связей между различными удмуртскими этнотерриториальными группами и завершению в 20-е гг. XX в. процесса их консолидации в единый этнос. Вотская Автономная Область, первое национально-государственное образование в истории удмуртского народа,

была создана в 1920 г., но при утверждении ее границ территория проживания около трети компактно расселенных в Волго-Камском регионе удмуртов не вошла в ее состав. Впоследствии исторические судьбы отсеченных от материнского ядра групп стали разворачиваться в рамках иных национально-государственных и административно-территориальных образований, что в конечном счете явилось решающим штрихом в процессе формирования удмуртских диаспорных групп.

Национально-государственное строительство советской России завершилось созданием федерации, состоящей из субъектов различного типа. Одни удмуртские этнотерриториальные группы, или, по выражению профессора В. Е. Владыкина, «диаспоральные острова» были включены в состав национальных республик, другие – областей. Из рассматриваемых в работе диаспорных групп две входят в состав субъектов областного типа (куединские удмурты Пермской области, слободские и унинские – Кировской области), три – республиканского типа (татышлинские и янаульские – Республики Башкортостан, балтасинские и кукморские – Республики Татарстан, карлыганские – Марий Эл). Их современный историко-культурный облик во многом сложился под влиянием типа субъекта федерации, на территории которого локализована группа, и доминириующего этнического окружения.

§ 2.2. Этнодемографические параметры диаспорных групп удмуртов на рубеже XX–XXI вв.

Во втором параграфе рассмотрены этнодемографические процессы рубежа XX–XXI вв., происходящие как в целом в субъектах проживания удмуртской диаспоры, так и на территории отдельных муниципальных образований. В результате проведенного анализа автор пришел к следующим выводам.

За 1989–2002 гг. численность удмуртской диаспоры в пяти рассмотренных субъектах Российской Федерации сократилась на 12,6% (13500 чел.): в 1989 г. общая численность этнотерриториальных групп удмуртов составляла 106800 человек, в 2002 г. – 93300. Процесс сокращения численности удмуртов, расселенных за пределами Удмуртии, в рассматриваемый период проходил более интенсивно, нежели в самой титульной республике, где сокращение составило 7,2%.

Наиболее интенсивно убыль удмуртского населения шла в субъектах России областного типа (в Кировской области численность удмуртов сократилась на 21,7%, Пермской – на 19,8%). В национальных республиках эта тенденция была выражена слабее (в Республике Марий Эл сокращение составило 12%, Башкортостане – 4,6%, Татарстане – 2,4%).

В Татарии и Башкирии процесс сокращения численности удмуртов проходил даже менее интенсивно, чем в Удмуртии. Данный факт, по-видимому, можно объяснить более стабильным, по сравнению с Удмуртией, социально-экономическим развитием соседних республик в постсоветские годы, а также позитивным влиянием государствообразующих этносов Татарстана и

Башкортостана, отличающихся высоким уровнем этнического самосознания и консолидации.

В среднесрочной перспективе процессы сокращения численности удмуртов в Кировской и Пермской областях, а также в Республике Марий Эл, по-видимому, будут продолжаться. В Пермской области – по причине интенсивной ассимиляции городских удмуртов, а в Кировской области и Республике Марий Эл – по этой же причине, усугубленной трудовой миграцией удмуртов, прежде всего молодежи, в другие регионы.

В Республиках Башкортостан и Татарстан процесс сохранения удмуртской этничности, очевидно, во многом будет зависеть от хода и результатов реформ, проводимых в масштабах Российской Федерации. Большая часть башкирских и татарских удмуртов компактно расселена в сельской местности. Можно предположить, что ухудшение социально-культурной и экономической ситуации, сложившейся вокруг татарстанской и башкортостанской диаспорных групп, негативно повлияет на уровень самосознания удмуртов данных регионов.

Ассимиляционные процессы не являются единственным фактором, влияющим на этнодемографические параметры диаспорных групп. Как и в целом по России, сложной и болезненной проблемой для них остаются высокая смертность и низкая рождаемость, вносящие существенные коррективы в этнодемографическую ситуацию.

Глава 3. Этнотерриториальные группы удмуртов в постсоветский период

§ 3.1. Этноэкономическая характеристика «удмуртских» сельскохозяйственных предприятий, социокультурные аспекты жизнедеятельности

По данным переписи населения 2002 г., 53,4% удмуртов РФ являются сельскими жителями. Рассматриваемые в работе диаспорные группы также относятся преимущественно к сельским жителям, занятым в сельскохозяйственном производстве.

Социально-экономическая ситуация в пяти рассматриваемых регионах в постсоветский период складывается по-разному. Если в Татарстане, Башкортостане и Пермской области адаптация к рыночным условиям проходит более или менее успешно, и экономика развивается достаточно стабильно, то в Республике Марий Эл, а особенно – в Кировской области преодолеть вызванные реформами негативные тенденции пока не удается. Тем не менее, независимо от общего уровня социально-экономического развития регионов, сельским труженикам всех рассматриваемых субъектов РФ в трудные перестроечные годы удалось удержать сельскохозяйственное производство от развала. В этом есть немалая заслуга и «удмуртских» производственных коллективов. Можно сказать, что хозяйства, преимущественно «удмуртские» по составу рабочих и руководителей, на общем фоне хозяйствующих субъектов сельской экономики часто выгодно отличаются. Так, СПК Башкирии, Татарии, Марий Эл, Пермской и Кировской областей, базирующиеся в удмуртских населенных пунктах, в полной мере испытав на себе тяготы 90-х гг.,

практически все не только выжили, но и продолжают развиваться. Многие из них имеют высокие производственные показатели, обеспечивают население рабочими местами, продолжают поддерживать социальную сферу, являясь, таким образом, существенным адаптационным ресурсом для своих тружеников. Выстоять в критической ситуации удмуртам помогли присущие им трудолюбие, терпение и упрямство, сказывающееся, в том числе, и в приверженности традиционным методам хозяйствования.

Однако труд селян даже на грани физических возможностей и крайней самоэксплуатации , ни в одном из пяти субъектов при существующих условиях не может гарантировать достойного уровня жизни и уверенности в завтрашнем дне. Поэтому вполне объясним некоторый пессимизм в настроениях сельских тружеников, общее мнение которых можно выразить словами одного из председателей СПК Янаульского района Башкирии: «Если в ближайшие годы в аграрной политике государства никаких изменений не произойдет, все рухнет. Крестьянин долго не выдержит».

Возможно, позитивные коррективы в общее самочувствие селян внесет последовательная реализация приоритетного нацпроекта «Развитие АПК». Тот факт, что государство, наконец, обратило внимание на проблемы села, вселяет надежу, что удмуртские «диаспоральные острова» не исчезнут, сохранятся как неразрывная органическая часть удмуртского этноса.

§ 3.2. Политико-гражданская и этническая ориентация

Проведенный в диссертации анализ этнических предпочтений локальных групп удмуртов показал, что их коллективная идентичность имеет сложный двойственный характер. С одной стороны, диаспора стремится сохранить свою этничность, с другой – явно ощущаются тенденции к усилению политико-гражданской составляющей ее самосознания. При этом среди удмуртов, компактно проживающих в национальных республиках (особенно в Башкортостане и Татарстане, меньше – в Марий Эл), приверженность к своему этносу и удмуртской идентичности выражена достаточно ярко, в то время как у удмуртов Пермской и Кировской областей превалирует политико-гражданский уровень идентичности.

На формирование этничности и выбор этнической идентичности диаспоры большое влияние оказывает психологический фактор. Всем рассматриваемым диаспорным группам в той или иной степени свойственно ощущение психологического дискомфорта, связанное, прежде всего, с их неизбежной вовлеченностью в сложную систему отношений трех сторон – субъекта проживания, республики-родины, а также самой диаспоры, устремления которых не всегда совпадают и даже нередко противоречат друг другу. К примеру, удмурты Татарстана и Башкортостана практически смирились с мыслью о том, что здесь им быть «большими начальниками» не удастся, для этого лучше ехать в Удмуртию, где можно получить высшее образование, стать руководителем (даже регионального уровня), достичь высоких успехов и званий в области науки, образования, культуры. Складывается своего рода парадоксальная ситуация: именно в национальных республиках созданы достаточно благоприятные условия для сохранения и

развития удмуртского языка, традиционной удмуртской культуры, внутриэтнических связей, но реализация социально-профессиональных, общественно-политических амбиций представителей диаспорных групп этих регионов наталкивается на серьезное противодействие. Сложности возникают при поступлении детей в высшие учебные заведения, делегировании художественных коллективов на различные фестивали, смотры, конкурсы, участие во внутриполитической жизни регионов.

По сравнению с Татарстаном и Башкирией, в «русских» областях удмуртам (с их антропологическим типом, идентичным русскому, христианскими именами и при условии хорошего знания русского языка) преодолеть межэтнические барьеры и избежать предвзятого к себе отношения проще. Мимикрируя, они могут «стать» русскими, «раствориться» среди доминирующего этноса. Добиваясь при этом определенных успехов в жизни, они и в дальнейшем предпочитают не возвращаться к своим «корням». Вероятно, и потому нам известно мало имен прославивших свой народ удмуртов – выходцев из Пермской и Кировской областей.

Чувствуя некоторую отчужденность от общества проживания, вызванную ущемлением своих прав и приниженным статусом, удмурты диаспоры с надеждой обращаются за помощью к своей «этнической родине», но и здесь, в титульной республике, они отнюдь не всегда находят понимание и поддержку. «В Татарстане мы – удмурты, а в Удмуртии – татарстанцы», – видимо, в этих словах заключается главная суть проблемы диаспоры, которую можно решить только в процессе диалога и сотрудничества всех заинтересованных сторон, при этом, безусловно, наибольшая роль и ответственность остается за Удмуртской Республикой.

§ 3.3. Этнокультурная и языковая ситуация

Результаты исследования этнокультурных и языковых аспектов жизнедеятельности удмуртской диаспоры показали, что в постсоветский период этнотерриториальным группам удмуртов, компактно проживающим в национальных республиках, лучше удалось сохранить свой язык и культуру, чем их соплеменникам в областях. Так, по данным переписи 2002 г., уровень владения родным языком среди удмуртов Татарстана составил 87,4%, Башкирии 84,4%, Марий Эл – около 80%, Пермской области – 60%, Кировской – около 60%.[6]

Одно из главных объяснений сложившейся ситуации заключается, по-видимому, в том, что в национальных республиках созданы более благоприятные, чем в областях, условия для этнокультурного развития удмуртов, обеспечивающие им знание истории своего народа, сохранение и развитие родного языка, культуры, традиций и обычаев.

К примеру, в Башкортостане, Татарстане и Марий Эл в школах и детских садах ведется преподавание удмуртского языка, которое не прекращалось и в советский период. В Башкирии в 2003–2004 учебном году 64,6% от числа всех детей-удмуртов изучали родной язык в 58 школах

[6] По Республике Марий Эл и Кировской области официальные данные в материалах переписи не представлены.

республики. В том же году в Татарстане обучением родному языку был охвачен 71% детей-удмуртов, удмуртский язык преподавался в 45 школах. Учебные учреждения республик обеспечены квалифицированными кадрами педагогов и воспитателей. Между тем, в Пермской области ни в одной из средних школ удмуртский язык не преподается и только в Киргинской основной школе дети-удмурты имеют возможность изучать родной язык. В школах Слободского и Унинского районов Кировской области преподавание удмуртского языка прекращено в 30–40-е гг. прошлого века и с тех пор не возобновлялось.

Как уже отмечалось выше, в Башкортостане издается республиканская газета на удмуртском языке, в Балтасинском районе Татарии – удмуртскоязычный дубляж районной газеты, кукморские удмурты имеют возможность смотреть трансляцию телепередач из Удмуртии. В Пермской и Кировской областях, а также в Марий Эл средств массовой информации на удмуртском языке нет.

В Башкортостане и Татарстане созданы удмуртские республиканские национально-культурные автономии, объединяющие своей деятельностью всех удмуртов, проживающих в данных регионах. В Марий Эл, Пермской и Кировской областях удмуртские общественные организации действуют лишь на уровне районов. Для Марий Эл это, возможно, и оправданно, так как этнотерриториальная группа удмуртов здесь малочисленна и компактно проживает на территории только одного района, но в Кировской и Пермской областях удмурты представлены достаточно широко и в каждом из этих субъектов их насчитывается около 20–30 тыс. человек.

Более ровно выглядит ситуация в сфере развития традиционной культуры: в районах компактного проживания удмуртов во всех рассматриваемых субъектах функционируют творческие фольклорные коллективы (многие из них удостоены звания «народный»), которым со стороны администраций оказывается методическая и финансовая помощь. Тем не менее, и здесь обращают на себя внимание Башкирия и Татария, где фольклорные коллективы действуют во всех «удмуртских» районах республик, а в Кировской области, например, – только в двух. На этнокультурную жизнь куединских удмуртов Пермской области большое позитивное влияние оказывают их соплеменники из Башкирии. В частности, и основателем, и сегодняшним руководителем «народного» фольклорного коллектива «Тюрагай» села Большой Гондыр являются выходцы из Республики Башкортостан.

Воспитание уважительного отношения к своему народу, его истории и культуре, сохранение преемственности в преподавании родного языка, несомненно, положительно влияет на развитие личности, способствует формированию позитивной этнической идентичности. Вероятно, именно поэтому из среды янаульско-татышлинских, карлыганских и кукморско-балтасинских удмуртов вышли известные всему удмуртскому народу и Удмуртии выдающиеся ученые, писатели, общественные деятели, представители творческой интеллигенции.

Отрадно, что положительный опыт республик в сфере развития национального образования и культуры привлек внимание федеральной власти. В 2006 г. приказом Министра образования и науки РФ утверждена Концепция национальной образовательной политики, одним из приоритетных направлений которой является «удовлетворение этнокультурных и языковых образовательных потребностей народов Российской Федерации»[7].

В сфере культуры идет обсуждение Концепции федеральной программы «Сохранение и развитие нематериального культурного наследия народов РФ на 2009–2013 гг.». Остается надеяться, что принятие данных документов позволит решить многие проблемы развития национального образования и традиционной культуры народов России.

В заключительной части работы подведены основные выводы исследования, сформулированы наиболее важные теоретические положения, к которым пришел автор, предложены практические рекомендации по реализации государственной национальной политики по отношению к удмуртской диаспоре, а также намечены некоторые направления дальнейших исследований. Среди них наиболее актуальными и перспективными с научно-познавательной и прикладной точек зрения видятся разработки, связанные с изучением уровней идентичности в диаспорных группах, а также сравнительно-сопоставительным анализом удмуртского этнического «материка» и диаспоры, который мог бы помочь объективному пониманию такого сложного явления, как «феномен удмуртов и Удмуртии».

[7] Концепция национальной образовательной политики РФ утверждена Приказом Министра образования и науки РФ за №201 от 03 августа 2006 г.

Основные положения диссертации излагаются в работах:

1. Шеда-Зорина И. М. Межрегиональное сотрудничество как одна из предпосылок гармоничного развития диаспор / И. М. Шеда-Зорина // Государственная национальная политика в XX–XXI веках: региональный аспект. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Пермь, 2003. – С. 120–121.

2. Шеда-Зорина И. М. Современная сельская действительность (на примере коллективных хозяйств удмуртов Пермской области) / И. М. Шеда-Зорина // Информационно-методический сборник Министерства национальной политики УР. – Ижевск, 2003. – № 9 – С. 91–95.

3. Шеда-Зорина И. М. Удмуртская диаспора на рубеже XX–XXI вв.: механизмы адаптации и сопротивления / И. М. Шеда-Зорина // Финно-угроведение. – 2004. – № 1. – С. 88–93.

4. Шеда-Зорина И. В гостях у «более удмуртов» / И. Шеда-Зорина, И. Поздеев // Актуальное национально-культурное обозрение. – Казань, 2004. – № 1(9). – С. 34–37.

5. Шеда-Зорина И. М. Влияние иноэтничного и иноконфессионального окружения на формирование самосознания закамских удмуртов в XV–XIX вв. / И. М. Шеда-Зорина // Диаспоры Урало-Поволжья: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Ижевск, 28–29 октября 2004 г.): Сб. ст. / Отв. ред., авт. предисловия Г. А. Никитина – Ижевск, 2005. – С. 82–87.

6. Шеда-Зорина И. М. Внутренняя удмуртская диаспора: вопросы и реалии / И. М. Шеда-Зорина // Этнография восточно-финских народов: история и современность: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения профессора И. Н. Смирнова. Ижевск, 17–18 октября 2006 г.: Сб. ст. / Отв. редактор А. Е. Загребин; Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. – Ижевск, 2007. – С. 174–182.

7. Шеда-Зорина И. М. Этнодемографическая характеристика удмуртской диаспоры на рубеже XX–XXI вв. / И. М. Шеда-Зорина // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. – 2007. – Вып. 1. – С. 183–187.

8. Шеда-Зорина И. М. Этнодемографические процессы в удмуртских диаспорных группах в постсоветский период / И. М. Шеда-Зорина // Феномен Удмуртии. В 9 т. Т. 8. Удмуртская диаспора / Губогло М. Н., Смирнова С. К. [и др.] – М.–Ижевск, 2007. – С. 218–249.